Текст · 28 июня 2024, 13:06
Уэнделл Стивенсон,

«Обезьяны с гранатой». Что происходит на Запорожской АЭС с начала войны — репортаж Economist

Запорожская АЭС, крупнейшая атомная электростанция в Европе, была захвачена российскими войсками в самом начале полномасштабного вторжения. Россияне разместили там тяжелую технику и контингент из нескольких сотен солдат, работа реакторов была приостановлена, но сотрудники остаются тут до сих пор — чтобы обеспечивать безопасность и предотвратить на станции ядерную катастрофу. Корреспондент *Economist* Уэнделл Стивенсон узнала, что происходило на станции все это время: как Россия постепенно усиливала контроль, как сотрудников заставляли получать российские паспорта и подписывать контракты с «Росатомом», как похищали и пытали тех, кто отказывался это делать, как рушились семьи и люди бежали из своих домов. «Медиазона» публикует перевод этого репортажа.

Александр[1] любил свою работу на Запорожской атомной электростанции. Он родился в конце 1960-х, учился в Харькове, а потом переехал в Энергодар — город, который был специально построен для работников АЭС. Работать на станции он начинал в интересные времена. «Атомная энергетика была дорогой к прогрессу, — говорит он. — Чем-то новым».

Скоро он влюбился в коллегу по имени Светлана. Пара поженилась, родились две дочери. «Я был счастлив. Изучал новое оборудование, следил за

новостями в моей области. Двигался по карьерной лестнице. У меня была семья, работа, дача. А потом началась война».

Запорожская атомная электростанция, самая большая в Европе, оказалась в руках России в первые же дни полномасштабного вторжения в 2022 году. Совсем недавно, в апреле 2024-го, появилось сообщение, что на крыше одного из реакторов взорвался дрон. Россия обвинила Украину, а украинская разведка заявила, что российские войска сымитировали атаку. После взрыва, одного из многих подобных инцидентов за последние два года, Рафаэль Гросси, генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), сказал: «Мы в опасной близости от ядерной катастрофы».

МАГАТЭ следит за станцией с лета 2022 года, но российская армия ограничивает доступ международных экспертов. Бронированные машины припаркованы прямо в турбинных залах. Петр Котин, глава украинской ядерной госкорпорации «Энергоатом», говорит, что Запорожская АЭС может дойти до стадии, когда ее придется выводить из эксплуатации: ее плохо обслуживают, она слишком близко к фронту, у ядерного топлива превышен срок годности. «Мы можем потерять эту станцию навсегда, — говорит он. — Никто не знает, что делать дальше. Ни одна атомная электростанция не выходила за эти лимиты».

При этом из-за ракетных обстрелов время от времени полностью отключается электричество. На станции стоят дизельные генераторы, но никто до конца не уверен, сколько топлива есть в запасе.

Если в генераторах кончится горючее на фоне отключения электричества, говорит Котин, «у нас может произойти перегрев, как на Фукусиме».

Все шесть реакторов сейчас в состоянии холодного останова, то есть они не производят энергию и в них нет топлива. Но это не значит, что они не требуют ухода. Котин говорит, что невозможно законсервировать атомную электростанцию, как «макаронную фабрику». Системы охлаждения, которые останавливают перегрев топлива, нужно мониторить и обслуживать.

До вторжения на Запорожской АЭС работало 11 тысяч человек. За последние два года половина сотрудников сбежала на территорию, подконтрольную Украине. Четверть все еще живет в Энергодаре, но им запрещен доступ на станцию, потому что они отказались подписывать контракт с «Росатомом». Сейчас на АЭС около четырех тысяч работников — остатки старого персонала и новые сотрудники, многие из которых не обладают, по словам Котина, соответствующей технической подготовкой. Из начальников смены и старших техников не осталось почти никого.

Александр покинул Энергодар прошлой осенью, за полгода до атаки дрона, и сейчас живет в Полтаве. Его жена продолжает работать на АЭС. Я встретила Александра в начале апреля. У него добродушный вид и борода с проседью. Во время разговора он скрестил руки на груди и животе, как будто защищался. В какой-то момент он запнулся и тяжело вздохнул: «Воспоминаниями накрыло».

* * *

Российские войска вошли в Энергодар 3 марта 2022 года. Несколько тысяч местных жителей собрались у заставы, чтобы их остановить, но ничего не вышло. Преодолев оборону, русские атаковали АЭС. Во время короткого боя погибли трое украинских защитников станции.

Большинство сотрудников продолжило работу, хотя в эти первые лихорадочные дни многие отправили свои семьи в те части страны, которые были под контролем Украины. Александр управлял командой из десяти техников. «Мой отдел нуждался во мне, — говорит он. — Кто-то должен был продолжить работу на АЭС, иначе мир ждала бы ядерная катастрофа».

Котин, глава «Энергоатома», подчеркивает, что на АЭС остались 143 ведущих инженера и администратора. Вскоре после захвата на станцию также прибыли несколько инженеров из «Росатома». По словам Котина, поначалу они не вмешивались в процесс, только наблюдали и задавали вопросы. Хотя АЭС и была построена еще при советской власти, но с 1991 года в работе станции произошло много изменений, например, она отчасти работала на американском топливе.

Однако россияне начали демонстрировать свою власть другими способами. Сотрудников обыскивали при входе на АЭС, на улицах Энергодара патрули останавливали людей без всяких причин и смотрели их мобильные в поисках проукраинских фотографий или переписок. По словам Александра, люди начали носить кнопочные телефоны. Солдаты могли

сунуться в любой дом и устроить обыск. «Вопрос везения», — говорит Александр, который сам пережил три таких обыска.

В самом начале оккупации русские запретили использовать мобильные телефоны на АЭС и заблокировали украинские сотовые сети в области. Сотрудники могли общаться с «Энергоатомом» через внутреннюю сеть АЭС, но эти сообщения русские могли отслеживать. Многие работники звонили администрации «Энергоатома» в Киев из дома; те, кто жил на высоких этажах, иногда ловили сигнал с украинской сотовой вышки через реку. До сентября 2022 года операционный контроль над Запорожской АЭС был у «Энергоатома».

У Александра было два телефона: «чистый» и второй, который он прятал дома. По второму телефону он звонил дочерям в Киев (одна там жила до вторжения, вторая покинула Энергодар через месяц после начала оккупации). С этого же телефона он переписывался в телеграме с начальством из «Энергоатома».

Людей регулярно забирали в «подвал» местного полицейского участка, где сотрудники российских спецслужб проводили допросы. Александр знал многих арестованных: рыночных торговцев, задержанных за продажу водки (русские ввели запрет на крепкий алкоголь, чтобы солдаты не спивались); молодых людей, которых подозревали в том, что они знают, где спрятан городской запас автоматов Калашникова; знакомую пожилую женщину; коллег с АЭС. Некоторые через несколько дней возвращались, некоторых держали дольше. Некоторых били и пытали электрошоком. У одного мужчины, по словам

Александра, были такие яркие синяки, что он выглядел как персонаж «Аватара».

Разбитые окна шестого блока Запорожской АЭС. Фото: Reuters, коллаж: Мария Толстова / Медиазона

В конце весны 2022 года российские власти нашли на телефоне Александра проукраинские сообщения. Его забрали в участок и заперли в маленькой камере, рассчитанной на двух задержанных; на тот момент в ней сидело больше десяти мужчин. Они спали на полу, причем кому-то пришлось лечь прямо рядом с дыркой, которая служила туалетом.

«Лучше я об этом говорить не буду, — ответил Александр, когда я спросила, били его или нет. — Но в тот первый раз мне удалось избежать жестокого обращения. Мне повезло». Две недели спустя его отпустили, и он вернулся к работе. Светлана очень волновалась. «После моего ареста она сказала, что я идиот и что я должен сидеть дома и никуда не лезть». У его жены «пророссийская» позиция, объяснил Александр, скривив рот. «Я не знаю, как это вышло, — сказал он, еще крепче обхватив себя руками. — Она понимает, что оккупация — это плохо, но не верит тому, что пишут украинские СМИ».

* * *

Ожесточенные бои привели к тому, что в сентябре 2022 года полностью отключилось электричество. «Были повреждены все линии,

никакой связи с украинской энергосистемой не было», — рассказывает Котин. Впервые в ход пошли дизельные генераторы. Опасаясь мелтдауна, менеджеры «Энергоатома» попросили сотрудников выключить оставшиеся два реактора.

В начале октября глава АЭС Игорь Мурашов был арестован ФСБ. По одной из версий, ему надели мешок на голову и держали в одиночной камере. Его отпустили через несколько дней, после вмешательства Гросси, гендиректора МАГАТЭ. Потрясенного и ослабшего Мурашова переправили на территорию, подконтрольную Украине.

После фальшивых референдумов Россия аннексировала оккупированные территории, и 5 октября Владимир Путин подписал указ о переходе Запорожской АЭС в собственность России. Юрий Черничук — украинец, который исполнял обязанности главного инженера, — подписал договор с «Росатомом» и был назначен начальником АЭС. Котин сказал мне, что дал ему приказ запустить один из реакторов и посмотреть, что будет: «На следующий день я получил от сотрудников доклад, что он этого не сделал, потому что ему запретило руководство "Росатома". Тогда мне стало ясно, что АЭС мы больше не контролируем».

По словам Черничука, это был его долг — согласиться на руководящую должность, чтобы следить за безопасностью станции. Прокуратура Украины уже обвинила его и несколько других управленцев в коллаборационизме. В конце апреля этого года Ленинский районный суд Запорожья

заочно приговорил нового директора Запорожской АЭС к десяти годам лишения свободы.

«Черничук? Он мне никогда не нравился, — говорит Котин. — Я бы никогда не поставил его на эту должность». Глава «Энергоатома» вспоминает один из разговоров с Черничуком до его повышения: «Он мне сказал что-то вроде: "Вы про нас тут забыли, никак не помогаете, почему мы должны вам докладывать? Почему должны слушаться ваших приказов?"».

* * *

С конца 2022 года ЗАЭС становилась все более нестабильной. Были зафиксированы утечки воды и бора, который используют, чтобы управлять ядерными реакциями. Инженеры старались сохранить подачу энергии на станцию и в соседний Энергодар, переключая три реактора из горячего останова, когда какое-то электричество все-таки вырабатывается, в холодный.

Российские власти вели себя все более уверенно. Раньше, когда администраторы «Росатома» запрашивали какое-то оборудование, Александр, который не хотел выдавать его оккупантам, тянул, придумывая разные бюрократические препоны. Теперь солдаты просто приходили в его кабинет и требовали. Один из них сказал ему: «Ты не понял? Все теперь принадлежит России. Мы возьмем все, что захотим».

На сотрудников давили, чтобы они получили российские паспорта и подписали контракт с

«Росатомом», обещая за это денежные премии. «Русские считали себя освободителями, — говорит Сергей, глава отдела Александра. — Они хотели показать, что люди им верят и подписывают контракты добровольно».

Сотрудники разделились. Некоторые беспокоились, что потеряют работу, если не подпишут российский договор, другие боялись, что их накажут за коллаборационизм украинские власти, если подпишут. Для таких, как Александр, подписать контракт значило открыто перейти на сторону России. Когда пряник в виде премий не сработал, сотрудники ФСБ стали приходить домой к ведущим специалистам. Некоторых увозили в подвал.

Три человека из команды Александра подписали договор. Он отдалился от них: «Вот ты знаком с человеком 20, 30 лет, а теперь считаешь его предателем. Сложно разговаривать с такими, даже если в одной комнате находитесь».

Как-то раз менеджер «Росатома» пришел в кабинет Сергея с договором. После того как тот отказался подписывать, Черничук и два других начальника пробовали его уговорить. Сначала они были спокойны, потом начали орать и угрожать. На следующий день он сказался больным и больше к работе не вернулся. Вместо него поставили человека, к которому Александр и другие коллеги относились без всякого уважения. Половина отдела уволилась.

Уровень технической экспертизы на АЭС резко упал. Российские инженеры, которых удавалось уговорить приехать работать в зону боевых действий, часто

были не очень квалифицированными. Александр видел пустые водочные бутылки в урнах рядом с их жильем в бункере АЭС. Рабочие, которых набрали в округе, были совершенно неопытными. Котин описывает ситуацию словами «обезьяны с гранатой».

Жизнь в Энергодаре становилась все тяжелее. Без российского паспорта было сложно вызвать скорую, попасть к врачу или получить рецепт. И хотя работникам АЭС, которые не подписали контракт с «Росатомом», продолжал платить «Энергоатом», воспользоваться деньгами они не могли: в ходу теперь были рубли, а не гривны, а все обменники закрыли.

Российские военнослужащие охраняют вход на Запорожскую АЭС. Фото: Alexander Ermochenko / Reuters, коллаж: Мария Толстова / Медиазона

Пока Александр сидел дома, Светлана продолжала ходить на работу. Когда кто-то слил список людей, подписавших договор с «Росатомом», Александр увидел имя своей жены. «Я был потрясен, — вспоминает он. — Сказал ей, что разведусь. После этого мы жили в разных комнатах. Не разговаривали. Старались друг друга избегать. Через некоторое время она пришла ко мне в слезах и попросила ее простить. Она сказала, что совершила ошибку, не подумала, когда подписывала. Но пути назад не было, ничто уже не могло эту ситуацию изменить».

Он не уверен, что сможет ее простить: «Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Даже самому себе». Через

некоторое время они снова начали разговаривать. «Но отношения прежними уже не стали».

Александр знает семью, где отец и дочь подписали договор, а сын сбежал в Германию. А еще семью, где муж подписал, жена уехала на подконтрольные Украине территории, а сын служит в ВСУ. Знает русских, занимающих проукраинскую позицию, и украинцев, занявших пророссийскую. И тех, кто говорит, что им вообще все равно, лишь бы не уволили.

* * *

Всю весну и лето 2023 года Александр и многие его коллеги с надеждой ждали, что украинское контрнаступление, о котором так много говорили, принесет свободу Энергодару и Запорожской АЭС. Тем временем российские солдаты постили видео с пробежками вокруг турбин. Время от времени на минах, которые россияне разложили вокруг станции, подрывались дикие кабаны.

Украинское контрнаступление забуксовало — в Запорожской области успехов было совсем мало. Отчаявшиеся и напуганные люди снова начала уезжать из Энергодара. Единственным направлением был восток: через оккупированные территории в Россию и затем западный крюк — через страны Балтии и Польшу обратно в Украину. Люди постили советы и маршруты в телеграме, проводники брали по несколько сотен евро, чтобы помочь украинцам пройти КПП.

В сентябре 2023 года сотрудники ФСБ обыскали квартиру Светланы и Александра (он думает, что кто-то донес о его проукраинских взглядах). Они нашли за диванной подушкой его тайный телефон и желто-голубую майку.

Его отвезли в участок: «Привели меня в комнату, положили мои руки на стол и присоединили электрические провода от полевого телефона к двум пальцам. Начали допрашивать, почему я не хожу на работу, почему поддерживаю Украину, почему не подписал договор. Каждый раз, когда пускали ток, солдат сзади тыкал меня под ребра».

Под давлением он согласился подать на российский паспорт и перестать заходить на украинские сайты. «Я много чего пообещал, — рассказывает он. — После двух часов меня отпустили». Александр был так счастлив, что его выпустили, что бежал всю дорогу домой, несмотря на жуткую боль в ребрах.

Когда он вернулся, Светлана сказала: «Третьего раза я не переживу. Пожалуйста, уезжай». Но ехать с ним отказалась. «Мы плакали, расставаясь, — говорит Александр. — Я сказал, что обязательно вернусь. Она сказала, что будет ждать».

Александр сел в машину и присоединился к небольшой автоколонне, которая направлялась на восток. На КПП в Энергодаре он сказал, что едет на море, на КПП возле Мариуполя — что едет навестить друзей в Волгоград (он попросил знакомую русскую семью, которая там живет, подтвердить его слова, если понадобится). Автоколонна прошла границу без происшествий и проехала через Россию, Эстонию

и Польшу. «Когда я пересек границу и увидел украинский флаг, я упал на колени», — говорит Александр со слезами.

И он, и их дочери пытались уговорить Светлану покинуть Энергодар. Александр не знает, почему она не соглашается. «Она понимает, что происходит оккупация, но... как бы это объяснить, она почему-то не считает это такой уж серьезной проблемой. Не так, как я. Она очень сильная женщина, — он слегка улыбнулся. — Очень упрямая».

Александр любит свою жену и все еще разговаривает с ней. Он сказал, что слышит по голосу, как ей одиноко: «Она скучает по дочерям. По мне. Она понимает, в какой мы оказались ситуации, и знает, что мы не можем ничего изменить». По его словам, Светлана не говорит о будущем, да и свои отношения они не обсуждают: «Просто понятно, что она — там, а я — тут».

Автор: Уэнделл Стивенсон

Оригинал: *"Monkeys with a grenade": inside the nuclear-power station on Ukraine's front line*. *The Economist / 1843. June 14, 2024.*

Перевод: Вера Нифлер

© 2024, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com

1. Здесь и далее имена некоторых героев изменены.